

ВАСИЛИЙ ЖУКОВСКИЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ
И БАЛЛАДЫ

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)1-5
Ж 86

Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

ISBN 978-5-389-25661-3

© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Агтикус“», 2024
Издательство Азбука®

СЕЛЬСКОЕ КЛАДБИЩЕ¹

Элегия

Уже бледнеет день, скрываясь за горою;
Шумящие стада толпятся над рекой;
Усталый селянин медлительной стопою
Идет, задумавшись, в шалаш спокойный свой.

В туманном сумраке окрестность исчезает...
Повсюду тишина; повсюду мертвый сон;
Лишь изредка, жужжа, вечерний жук мелькает,
Лишь слышится вдали рогов унылый звон.

Лишь дикая сова, таясь под древним сводом
Той башни, сетует, внимаема луной,
На возмутившего полуночным приходом
Ее безмолвного владычества покой.

Под кровом черных сосн и вязов наклоненных,
Которые окрест, развесившись, стоят,

---

¹ Вольный перевод «Элегии, написанной на сельском кладбище» английского поэта-сентименталиста Т. Грея (1716–1771); посвящена поэту и переводчику Андрею Ивановичу Тургеневу (1784–1803), с которым Жуковского связывали тесные дружеские и литературные отношения. — *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. ред.*

Здесь праотцы села, в гробах уединенных
Навеки затворясь, сном непробудным спят.

Денницы тихий глас, дня юного дыханье,
Ни крики петуха, ни звучный гул рогов,
Ни ранней ласточки на кровле щебетанье —
Ничто не вызовет почивших из гробов.

На дымном очаге трескучий огонь, сверкая,
Их в зимни вечера не будет веселить,
И дети резвые, встречать их выбегая,
Не бдут с жадностью лобзаний их ловить.

Как часто их серпы златую ниву жали
И плуг их побеждал упорные поля!
Как часто их секир дубравы трепетали
И потом их лица кропилася земля!

Пускай рабы сует их жребий унижают,
Смеясь в слепоте полезным их трудам,
Пускай с холодностью презрения внимают
Таящимся во тьме убогого делам;

На всех ярится смерть — царя, любимца славы,
Всех ищет грозная... и некогда найдет;
Всемогущия судьбы незыблемы устави:
И путь величия ко гробу нас ведет!

А вы, наперсники фортуны ослепленны,
Напрасно спящих здесь спешите презирать
За то, что гробы их непышны и забвенны,
Что леств им алтарей не мыслит воздвигать.

Вотще над мертвыми, истлевшими костями
Трофеи зиждутся, надгробия блестят,
Вотще глас почестей гремит перед гробами —
Угасший пепел наш они не воспалят.

Ужель смягчится смерть сплетаемой хвалою
И невозвратную добычу возвратит?
Не слаще мертвых сон под мраморной доскою;
Надменный мавзолей лишь персть их бремени.

Ах! может быть, под сей могилою таится
Прах сердца нежного, умевшего любить,
И гробожитель-червь в сухой главе гнездится,
Рожденной быть в венце иль мыслями парить!

Но просвещенья храм, воздвигнутый веками,
Угрюмою судьбой для них был затворен.
Их рок обременил убожества цепями,
Их гений строгою нуждою умерщвлен.

Как часто редкий перл, волнами сокровенный,
В бездонной пропасти сияет красотой;
Как часто лилия цветет уединенно,
В пустынном воздухе теряя запах свой.

Быть может, пылью сей покрыт Гампден¹
надменный,
Защитник сограждан, тиранства смелый враг;

---

¹ Джон Гампден (1596–1643) — английский землевладелец, отказавшийся платить небольшую корабельную подать в пользу короля как незаконную.

Иль кровию граждан Кромвель¹ необагранный,
Или Мильтон² немой, без славы скрытый в прах.

Отечество хранить державною рукою,
Сражаться с бурей бед, фортуны презирать,
Дары обилия на смертных лить рекою,
В слезах признательных дела свои читать —

Того им не дал рок; но вместе преступленьям
Он с доблестями их круг тесный положил;
Бежать стезей убийств ко славе, наслажденьям
И быть жестокими к страдальцам запретил;

Таить в душе своей глас совести и чести,
Румянец робкия стыдливости терять
И, раболепствуя, на жертвенниках лести
Дары небесных муз гордыне посвящать.

Скрываясь от мирских погибельных смятений,
Без страха и надежд, в долине жизни сей,
Не зная горести, не зная наслаждений,
Они беспечно шли тропинкою своей.

И здесь спокойно спят под сенью гробовою —
И скромный памятник, в приюте сосн густых,
С непышной надписью и резьбою простою,
Прохожего зовет вздохнуть над прахом их.

Любовь на камне сем их память сохранила,
Их лёта, имена потщившись начертать;

---

¹ Оливер *Кромвель* (1599–1658) — государственный деятель эпохи английской буржуазной революции.

² Джон *Мильтон* (1608–1674) — английский поэт, автор «Потерянного рая».

Окрест библейскую мораль изобразила,
По коей мы должны учиться умирать.

И кто с сей жизнью без горя расставался?
Кто прах свой по себе забвенью предавал?
Кто в час последний свой сим миром не пленялся
И взора томного назад не обращал?

Ах! нежная душа, природу покидая,
Надеется друзьям оставить пламень свой;
И взоры тусклые, навеки угасая,
Еще стремятся к ним с последнею слезой;

Их сердце милый глас в могиле нашей слышит;
Наш камень гробовой для них одушевлен;
Для них наш мертвый прах в холодной урне дышит,
Еще огнем любви для них воспламенен.

А ты, почивших друг, певец уединенный,
И твой ударит час, последний, роковой;
И к гробу твоему, мечтой сопровождаемый,
Чувствительный придет услышать жребий твой.

Быть может, селянин с почтенной сединою
Так будет о тебе пришельцу говорить:
«Он часто по утрам встречался здесь со мною,
Когда спешил на холм зарю предупредить.

Там в полдень он сидел под дремлющею ивой,
Поднявшею из земли косматый корень свой;
Там часто, в горести беспечной, молчаливой,
Лежал, задумавшись, над светлую рекой;

Нередко в вечеру, скитаясь меж кустами, —
Когда мы с поля шли и в роще соловей

Свистал вечерню песнь, — он томными глазами
Уныло следовал за тихой зарей.

Прискорбный, сумрачный, с главою наклоненной,
Он часто уходил в дубраву слезы лить,
Как странник, родины, друзей, всего лишенный,
Которому ничем души не усладить.

Взошла заря — но он с зарею не являлся,
Ни к иве, ни на холм, ни в лес не приходил;
Опять заря взошла — нигде он не встречался;
Мой взор его искал — искал — не находил.

Наутро пение мы слышим гробовое...
Несчастливого несут в могилу положить.
Приблизься, прочитай надгробие простое,
Чтоб память доброго слезой благословить».

*Здесь пепел юноши безвременно сокрыли,
Что слава, счастье, не знал он в мире сем.
Но музы от него лица не отвратили,
И меланхолии печать была на нем.*

Он кроток сердцем был, чувствителен душою —
Чувствительным Творец награду положил.
Дарил несчастных он — чем только мог — слезою;
В награду от Творца он друга получил.

*Прохожий, помолись над этою могилой;
Он в ней нашел приют от всех земных тревог;
Здесь все оставил он, что в нем греховно было,
С надеждою, что жив его Спаситель-Бог.*

СТИХИ, СОЧИНЕННЫЕ
В ДЕНЬ МОЕГО РОЖДЕНИЯ

К моей лире и к друзьям моим

О лира, друг мой неизменный,
Поверенный души моей!
В часы тоски уединенной
Утешь меня игрой своей!
С тобой всегда я неразлучен,
О лира милая моя!
Для одиноких мир сей скучен,
А в нем *один* скитаюсь я!

Мое младенчество сокрылось;
Уж вянет юности цветок;
Без горя сердце истощилось,
Вперед присудит что-то рок!
Но я пред ним не поблднею:
Пусть будет то, что должно быть!
Судьба ужасна лишь злодею,
Судьба меня не устршит.

Не нужны мне венцы вселенной,
Мне дорог ваш, друзья, венок!
На что чертог мне позлащенный?
Простой, укромный уголок,

В тени лесов уединенный,
Где бы свободно я дышал,
Всем милым сердцу окруженный,
И лирой дух свой услаждал, —

Вот всё — я больше не желаю,
В душе моей цветет *мой* рай.
Я бурный мир сей презираю.
О лира, друг мой! утешай
Меня в моем уединеньи;
А вы, друзья мои, скорей,
Оставя свет сей треволненный,
Сберитесь к хижине моей.

Там, в мире сердца благодатном,
Наш век как ясный день пройдет;
С друзьями и тоска приятна,
Но и тоска нас не найдет.
Когда ж придет нам расставаться,
Не будем слез мы проливать:
Недолго на земле скитаться;
Друзья! увидимся опять.

1803

ПЕСНЯ

Когда я был любим, в восторгах, в наслажденье,
Как сон пленительный, вся жизнь моя текла.
Но я тобой забыт, — где счастья привиденье?
Ах! счастием моим любовь твоя была!

Когда я был любим, тобою вдохновенный,
Я пел, моя душа хвалой твоей жила.
Но я тобой забыт, погиб мой дар мгновенный:
Ах! гением моим любовь твоя была!

Когда я был любим, дары благоденья
В обитель нищеты рука моя несла.
Но я тобой забыт, нет в сердце состраданья!
Ах! благостью моей любовь твоя была!

1806

ОТРЫВОК

*(Подражание)*¹

О счастье дней моих! Куда, куда стремишься?
Златая, быстрая, фантазия, постой!
Неумолимая! ужель не возвратишься?
Ужель навек?.. Летит, все манит за собой!
Сокрылись сердца привиденья!
Сокрылись сладкие души моей мечты!
Надежды смелые, в надеждах наслажденья!
Увы! прелестный мир, разрушился и ты!
Где луч, которым озарялся
Путь юноши среди весенних пылких дней,
Где идеал святой, которым я пленялся?
О вы, творения фантазии моей!
Вас нет, вас нет! Существенностью злою
Что некогда цвело столь пышно предо мною,
Что я божественным, бессмертным почитал,
Навек разрушено! — Стремление к блаженству,
О Вера сладкая земному совершенству,
О Жизнь, которою весь мир я наполнял,
Где вы? Погибло все! погиб творящий гений!
Погибли призраки волшебных заблуждений!

---

¹ Вольный перевод стихотворения Ф. Шиллера (1759–1805) «Идеалы».

ВЕЧЕР

Элегия

Ручей, виющийся по светлому песку,
Как тихая твоя гармония приятна!
С каким сверканием катишься ты в реку!
Приди, о муза благодатна,

В венке из юных роз, с цевницею златой;
Склонись задумчиво на пенистые воды
И, звуки оживив, туманный вечер пой
На лоне дремлющей природы.

Как солнца за горой пленителен закат, —
Когда поля в тени, а рощи отдаленны
И в зеркале воды колеблющийся град
Багряным блеском озаренны;

Когда с холмов золотых стада бегут к реке
И рева гул гремит звучнее над водами;
И, сети склав, рыбак на легком челноке
Плывет у берега меж кустами;

Когда пловцы шумят, скликаясь по стругам,
И веслами струи согласно рассекают;
И, плуги обратив, по глыбистым браздам
С полей оратаи съезжают...

Уж вечер... облаков померкнули края,
Последний луч зари на башнях умирает;
Последняя в реке блестящая струя
С потухшим небом угасает.

Все тихо: рощи спят; в окрестности покой;
Простершись на траве под ивой наклоненной,
Внимаю, как журчит, сливаясь с рекой,
Поток, кустами осененный.

Как слит с прохладой растений фимиам!
Как сладко в тишине у берега струй плесканье!
Как тихо веянье зефира по водам
И гибкой ивы трепетанье!

Чуть слышно над ручьем колышется тростник;
Глас петела вдали уснувши будит селы;
В траве коростеля я слышу дикий крик,
В лесу стенанье филомелы...

Но что?.. Какой вдали мелькнул волшебный луч?
Восточных облаков хребты воспламенились;
Осыпан искрами во тьме журчащий ключ;
В реке дубравы отразились.

Луны ущербный лик встает из-за холмов...
О тихое небес задумчивых светило,
Как зыблется твой блеск на сумраке лесов!
Как бледно брег ты озлатило!

Сию задумавшись; в душе моей мечты;
К протекшим временам лечу воспоминаям... 19

О дней моих весна, как быстро скрылась ты
С твоим блаженством и страданьем!

Где вы, мои друзья, вы, спутники мои?
Ужели никогда не зреть соединенья?
Ужель иссякнули всех радостей струи?
О вы, погибши наслажденья!

О братья! о друзья! где наш священный круг?
Где песни пламенны и музам и свободе?
Где Вахвовы пиры при шуме зимних вьюг?
Где клятвы, данные природе,

Хранить с огнем души нетленность братских уз?
И где же вы, друзья?.. Иль всяк своей тропею,
Лишенный спутников, влача сомнений груз,
Разочарованный душою,

Тащиться осужден до бездны гробовой?..
Один — минутный цвет — почил, и непробудно,
И гроб безвременный любовь кропит слезой.
Другой... о небо правосудно!..

А мы... ужель дерзнем друг другу чужды быть?
Ужель красавиц взор, иль почестей исканье,
Иль суетная честь приятным в свете слыть
Загладят в сердце вспоминанье

О радостях души, о счастье юных дней,
И дружбе, и любви, и музам посвященных?
Нет, нет! пусть всяк идет вослед судьбе своей,
Но в сердце любит незабвенных...

Мне рок судил: брести неведомой стезей,
Быть другом мирных сел, любить красы природы,
Дышать под сумраком дубравной тишиной
И, взор склонив на пенны воды,

Творца, друзей, любовь и счастье воспевать.
О песни, чистый плод невинности сердечной!
Блажен, кому дано цевницей оживлять
Часы сей жизни скоротечной!

Кто, в тихий утра час, когда туманный дым
Ложится по полям и холмы облачает
И солнце, восходя, по рощам голубым
Спокойно блеск свой разливают,

Спешит, восторженный, оставя сельский кров,
В дубраве упредить пернатых пробужденье
И, лиру соглася с свирелью пастухов,
Поет светила возрожденье!

Так, петь есть мой удел... но долго ль?..
Как узнать?..

Ах! скоро, может быть, с Минваною унылой
Придет сюда Альпин в час вечера мечтать
Над тихой юноши могилой!

1806

* * *

Опять вы, птички, прилетели
С весною на кусточек мой,
Опять вы веселы, запели.
А я... все с прежнею тоской!
Ах, птички, сжальтесь, замолчите!
Уже со мною друга нет!
Или его мне возвратите,
Или за ним пуститесь вслед.
Меня оставил он, жестокой,
И в край безвестный улетел!
Чего искать в стране далекой,
Когда в своей он все нашел?..

1806

Жуковский В.

Ж 86 Стихотворения и баллады / Василий Жуковский. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 352 с. — (Азбука-поэзия).

ISBN 978-5-389-25661-3

Творчество Василия Жуковского, первого русского романтика, открывает новую страницу в истории отечественной литературы и знаменует начало золотого пушкинского века. С именем Жуковского, тонкого и проникновенного лирика, связана поэтика сложных душевных переживаний, которые стали выражением умонастроения целого поколения и определили пути дальнейшего развития русской литературы. А кроме того, Жуковский, будучи оригинальным и самобытным поэтом, явился подлинным гением стихотворного перевода. Из сокровищницы мировой поэзии он выбирал внутренне близкие произведения и создавал на их основе вдохновенные переработки и интерпретации. Благодаря Жуковскому на русском языке заговорили Гёте и Шиллер, Байрон и Вальтер Скотт, Гомер и Вергилий... В настоящее издание вошли наиболее известные произведения Василия Жуковского, включая его знаменитые элегии, баллады и стихотворные повести.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)1-5

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

ВАСИЛИЙ АНДРЕЕВИЧ ЖУКОВСКИЙ
СТИХОТВОРЕНИЯ И БАЛЛАДЫ

Ответственный редактор Оксана Сабурова
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Валентина Дик
Корректоры Нина Писковитина, Татьяна Бородулина

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 15.05.2024.
Формат издания 70 × 102 1/32. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 14,52. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19, E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, г. Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А, Тел.: (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А, Тел.: (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ Федералдық заң)

16+

A-PTR-34633-01-R